

УДК 81

С.П. Корнейчук

Ростовский государственный экономический университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

willycat2@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДА КОНЦЕПТА «КРАСОТА»

[*Korneichuk S. To the question of the specificity of translation of the concept “beauty”*]

In this paper we try to prove that concept of “Beauty” is difficult to translate. It requires cultural background, translating skills and also associated memory. Conceptual and linguistic observation of translation of the concept “beauty”, namely one of its constituents cognitive script “beautiful people” convinced that such a transfer requires not only knowledge of language codes, but also the presence of background knowledge and associative memory, which is fundamentally different in different linguistic communities. In other words, the translation of the concept of “beauty” category meaning is more important than matching individual language units verbalized it.

Key words: concept of “Beauty”, background, associated memory.

Объектом нашего лингвистического исследования является концепт «красота». Предметом наблюдения в настоящей работе послужил перевод на английский язык одной из конституант этого концепта – когнитивного сценария «словесный портрет красивой женщины». Являясь системной деятельностью, т.е. функциональной системой, обладающей всеми признаками системы, перевод постоянно взаимодействует с другими системами, прежде всего с системами языков, сталкивающимися в переводе, а также с системой смыслов, заключенной в исходном речевом произведении, которую ему и предстоит интерпретировать. Мы, вслед за Н.К. Гарбовским, определяем перевод «как сложную интерпретирующую систему, т.е. системную деятельность, способную интерпретировать знаки одной семиотической системы знаками другой» [2]. Перевод базовых культурных концептов, которым относится наблюдаемый нами концепт «красота» имеет свою специфику. Дело в том, что в таких концептах переводческая деятельность усложняется тем, что здесь переводчик сталкивается с системой смыслов, с авторским индивидуальным означиванием, обращается к системе авторского означивания для того, чтобы на ее основе создать индивидуальное означивание. Неверное понимание авторской системы, подмена элементов одной системы элементами другой ведет к переводческим ошибкам. В качестве примера неудачного перевода текста, призванного передать глубокий смысл женской красоты и ее оценку автором, можно привести перевод фрагмента романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». В словесном портрете своей героини, Анны Карениной, Л.Н. Толстой интенсифицирует бесполезность и пагубность ее красоты, прибегая к нарочитой тавтологии.

Ср.: Она была **прелестна** в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, **прелестна** твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющие-

ся волосы расстроившейся прически, **прелестны** грациозные легкие движения маленьких ног и рук, **прелестно** это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в ее **прелести** [7].

В приведенном отрывке Л.Н. Толстой не восхищается красотой Анны и не старается вызвать восторг у читателей. Писатель актуализирует иную идею: бесовскую красоту своей героини, которая прельстила Вронского, а потом погубила и саму Анну. Если распределить толстовскую рефлексию женской красоты пользуясь методикой Г.И. Богина, суть которой заключается в интерпретации, то станет понятным нарочитое избегание употребления писателем синонимов и неоднократное повторение прилагательного «прелестный». Дело в том, что, как указывает Г.И. Богин, «рефлексия обращена на понимание, она позволяет задействовать все большее число онтологических картин, хранящихся в опыте, в рефлексивной реальности, что и приводит к углублению понимания» [1]. Распредмечивание метасмысла указанного отрывка, позволяет утверждать, что внешняя красота женщины в картине мира писателя не имеет оправдания, если она не связана с внутренними добродетелями. Внешняя женская красота обманчива, прельстительна, вредна, бесполезна. Анализируя портретный фрейм Анны Карениной, мы насчитали 7 случаев употребления лексемы *прелестный*. Писателя нельзя обвинить в художественном бессилии или в отсутствии уважения к своим читателям.

Автор намеренно не использует синонимы, чтобы интенсифицировать пейоративную сему лексемы *прелестный*, а именно, сему *лжи* и *искусности*. Обратимся к истории слова *прелесть*, чтобы доказать наше предположение. Слово заимствовано из церковнославянского языка и семантически связано с существительным *лесть* – «обман, хитрость, соблазн». Учитывая значение префикса *пре* – «очень, в высшей степени» и опираясь на внутреннюю форму слова, можно сказать, что: *прелесть* – это обман, коварство, соблазн высшего порядка. В словаре «Современного русского языка» слово имеет значение «очарование, обаяние, внушаемое чем-либо» [3]. Имеющееся в старославянском языке значение «обман, соблазн, обольщение, заблуждение» сохранялись и в древнерусском языке. В книжно-славянских текстах слово выступает обычно в более узком значении – «грех, искушение»: Господи Боже Славим Ти, яко сподобил мя еси убежати от прелести жития сего лестного (О Борисе). Начиная с XV века в употреблении этого слова происходит метонимический перенос, названия действия переносится на сам объект, прелестью называется тот или то, что может прельстить, соблазнить: ... вражья прелесть, а не государственный сын "[5]. Метонимия распространяется и на характеристику объекта – обманчивая привлекательность, очарование.

Таким образом, можно выделить семы, входящие в семантическую структуру слова «прелесть» (до XVIII в.): основная сема – «обман», дополнительные семы «хитрость», «грех» и «внешняя привлекательность». Последняя особенно известна, как средство обмануть, погубить душу человека». В середине XVIII века в употреблении слова «прелесть» происходит коренной перелом. Выделенные нами семы отделяются друг от друга и существуют параллельно: прелесть – 1) коварство, обман, соблазн (прелести сатанинские) и 2) красота, пригожесть, пленительный вид, взор (прелестные места) [4]. Происходит вытеснение, нейтрализация сем, которые указывают на причину и цель прелести, отражающих глубину постижения действительности. Остается сема, характеризующая явление на поверхности. Внешняя привлекательность, уже не воспринимается как средство погубления

человека. В дальнейшем этот процесс продолжается, и в конце XIX века изначальное значение обман, соблазн вовсе уходит из языка, это же отражает словарь (СлРЯ) с пометой «устар.». А основным значением становится «красота, пригожество, пленительный вид, обаяние» (Серьги с подвесками настоящая прелесть) [5]. В современном русском языке это слово уже не мыслится в негативном смысле, а означает высшую степень красоты, очарование кого-л. Таким образом, слово «прелесть» прошло путь в сторону мелиорации и сужения своего значения. Л.Н. Толстой знал и тонко передал скрытые нюансы этой древней лексемы, напомнив об опасности, которая таится в физической красоте. Однако он не первым русским писателем, который заметил опасность внешней красоты.

Об амбивалентности красоты, первым в русской литературе написал Н.В. Гоголь в «Невском проспекте». Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых», рассуждая о красоте человека отмечает: «...тут дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей» [Достоевский «Братья Карамазовы»]. Неслучайно, что в романе Л.Н. Толстого, красоту Анны Карениной, Кити Щербацкая называет «бесовской». Зная амбивалентность красоты, Л.Н. Толстой пытается донести до сознания читателей романа именно эту идею, используя намеренно лексические и синтаксические средства языка: «Анна улыбалась, и улыбка передавалась ему. Она задумывалась, и он становился серьезен... Какая-то **сверхъестественная сила** притягивала глаза Кити к лицу Анны». Именно этот момент – отношение к телесной внешней женской красоте русского писателя, на наш взгляд, и не учел английский переводчик N.H. Dole. Думается, что лексемы *charming / pretty / charming / captivating* были бы более уместными для трансляции толстовской идеи. Однако переводчик предпочел нейтральное прилагательное «*fascinating*». Дело в том, что в семантике перечисленных слов присутствует элемент искусности и притворства. Лексемы *charmant* и *captivating* заимствованы из французского языка. В слове *charmant* сема красоты ассоциируется со значением колдовство чары. В словаре A.S. Hornby “The Advanced Learner’s Dictionary of Current English” указывают на магическую силу привлекательности объекта, который это слово характеризует или называет. Ср: *charm* – 1. attract; give pleasure 2. use magic; influence or protect as if by magic. Что касается лексемы *captivating* (пленительный), то она также имеет французское происхождение, ср. *captivant* – и была введена в английский лексикон под влиянием французских рыцарских романов. Эпитет пленительный навеян картиной сдачи рыцаря в плен прекрасной даме. Если исходить из того предположения, что Вронский добровольно пал под действием красоты Анны, то можно допустить употребление лексемы *captivating* в переводе рассматриваемого отрывка. Если же он невольно стал жертвой воздействия красоты Анны, то целесообразно использовать *charming* или *pretty*. Древнеанглийская лексема *pretty* этимологически связана с латинским словом *practica* (ср.: современное значение англ. *practices* – происки, интриги») могла бы донести толстовский смысл. Это слово в древн. англ. *pretty* имело значение “обманный, хитрый, ловкий, искусный» и так же могло быть использовано в переводе. Однако отрывок переведен следующим образом:

Anna smiled, and her smile was reflected by him. She grew thoughtful, and he became serious. Some supernatural force drew Kitty's eyes to Anna's face. She was **fascinating** in her simple black dress, **fascinating** were her round arms with their bracelets, **fascinating** was her firm neck with its thread of pearls, fascinating the straying curls of her loose hair, fascinating the graceful, light movements of her little feet and hands, **fascinating** was that lovely face in its eagerness, but there was something terrible and cruel in her **fascination** [7].

Суммируя сказанное, мы позволили себе сделать вывод, что этико-эстетическая оценка красоты Анны писателем Л.Н. Толстым ускользнула от английского переводчика. Лексический фонд английского языка позволял вербализовать толстовское осмысление женской красоты. Однако отсутствие фоновых знаний интерпретатора не позволил передать всю глубину толстовской мысли. Это неудивительно, ведь одной из сложнейших задач в межкультурной коммуникации является задача трансляция авторских метасмыслов, которые Л.Н. Толстой не навязывает и не скрывает, а «как бы вуалирует», семантическим шлейфом старых мудрых слов. Концептуальное и лингвистическое наблюдение перевода концепта «красота», а именно одной из его конститuant когнитивного сценария «прекрасный человек» убеждает в том, что такой перевод предполагает не только знаний языковых кодов, но и наличие фоновых знаний и ассоциативной памяти, которые фундаментально различны у разных языковых обществ. Иными словами, при переводе концепта "красота" категория смысла оказывается более важной, чем соответствие отдельных языковых единиц его вербализующих.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богин И.Г.* Типология понимания текста: Учебное пособие. Калинин: КГУ, 1986.
2. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: МГУ, 2007.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
4. Словарь Академии Российской. М., 2002
5. Словарь русского языка XI–XIII вв.: В 26 т. М., 1975–2002.
6. *Hornby A.S.* The advanced learner's dictionary of current English. London, 1963.
7. *Tolstoy L.* Anna Karenina. Translated from the Russian by Nathan Haskell Dole, N.Y., 1899.

14 ноября 2016 г.